

Анри де Ренъе

По прихоти короля



Анри де Ренъе

По прихоти короля

«Public Domain»

де Ренье А.

По прихоти короля / А. де Ренье — «Public Domain»,

Имя Анри де Ренье (1864–1936), пользующегося всемирной и заслуженной славой, недостаточно оценено у нас за неимением полного художественного перевода его произведений. Тонкий мастер стиля, выразитель глубоких и острых человеческих чувств, в своих романах он описывает утонченные психологические и эротические ситуации, доведя до совершенства направление в литературе братьев Гонкуров. Творчество Анри де Ренье привлекало внимание выдающихся людей. Не случайно его романы переводили такие известные русские писатели, как Федор Соллогуб, Макс Волошин, Вс. Рождественский.

© де Ренье А.

© Public Domain

Содержание

I	5
II	9
III	14
IV	20
V	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анри де Ренье

По прихоти короля

Занятно изучать, как отличаются привычки и образ действия одного человека от другого.

Г-жа де Севинье

I

У маршала де Маниссара было много причин любить войну, из которых главная была – наличие случаев послужить королю и стяжать славу и не последнюю представляла возможность находиться вдали от г-жи де Маниссар. Дама эта по своему сварливому характеру и воинствующей добродетельности была бичом для г-на маршала, которого она мучила своею придиричностью и несносною ревностью.

Даже в те времена, когда прелесть лица обеспечивала ей сильное влияние на любого мужчину, столь чувствительного к женской красоте, как ее супруг (будь это красота его же собственной жены), г-же де Маниссар недостаточно было этой уверенности, чтобы избавиться от чувства ревности, острые уколы которой она ощущала помимо воли. С возрастом чувствительность к боли увеличилась. Правда, прирожденная влюбчивость г-на де Маниссара давала основания для ее волнений. Маршал и в шестьдесят лет сохранил молодость и предприимчивость, переходя обычные границы, за пределами которых люди начинают утрачивать те свойства, присутствие которых он еще доказывал. Жена следила за ним так неусыпно, что возможность ускользнуть от этой бдительности обуславливала радость и торопливость, овладевавшие им всякий раз, как время года и его долг вызывали его к границам. Отлучки эти служили ему некоторой передышкой, и в возмещение воздержания, которого он приучен был придерживаться, в беспорядочной жизни лагеря и в помещениях, предназначенных для легких связей, он находил наслаждения, к которым считал себя так же способным, как и всякий другой человек.

Конечно, жалобы, подозрения и обиды со стороны супруги сопровождали его на Рейн или Эско, но былиони в форме писем, которые он рассеянно читал, спустя долгое время по получении, с очень независимым видом, который исчезал по мере приближения срока возвращения.

Возвращения он опасался из-за г-жи Маниссар. При свидании с нею следовало выказывать такое нетерпение, что маршал скорее мог его имитировать, чем испытывать на самом деле. Не бывало недостатка и в упреках за это по его адресу. Г-н де Маниссар держался смиренно и покорно, ссылаясь на походную усталость.

Г-жу де Маниссар трудно было провести такими отговорками: она хмурила брови и кусала губы. Она знала, что даже во время похода муж ее ни в чем себе не отказывал, несмотря ни на что, и крайне заботливо относился к своему здоровью. Супружеские выпады бывали энергичны. Г-н де Маниссар обычно прекращал их тем, что укладывался в постель, начиная стонать и ругаться, и посылал за докторами. Они, как черные мухи, жужжали у его изголовья. Совещались на площадке лестницы, размахивая руками. Аптекари медленно поднимались по ступенькам. В руках у них были склянки и докторские сумки с инструментами, под мышкой поблескивали оловянные клистиры.

Тогда на г-жу де Маниссар напал страх, и она принималась ставить свечи. Маршал заводил речь о завещании и отходной. Толстое лицо его опровергало мрачные разговоры. Цвет его лица делался все более цветущим по мере того, как усиливались его перемиады. Малютка Виктория приходила прощаться с папой. Г-н де Берлестанж, наставник ее брата, шевалье де

Фрулена, приводил мальчика в спальню. Чтобы получить родительское благословение, они опускались на колени, а маршал в своей кровати, закутавшись в одеяла, мягко ласкавшие его тело, смотрел на все это своими большими глазами насмешливо и плутовато.

Сцены эти повторялись ежегодно. И ежегодно г-жа де Маниссар изъявляла желание, чтобы муж подал в отставку. Сначала он соглашался на эту комедию, потом кончал тем, что, сославшись на волю короля и приказ министра, снова весело отправлялся на Эско или Рейн.

Вероятно, поход 1676 года был особенно утомителен, так как маршал вернулся, поджав хвост. Правда, во время всей кампании г-н де Маниссар возил за собою в обозе очень красивую девушку, не оставлявшую его, которую он привез затем в Париж. Г-же де Маниссар была известна вся эта история, и гнев ее был непередаваем: она заставила прогнать интриганку, но не простила самой интриги, так что когда на следующую весну в марте месяце маршалу пришлось время отправляться по назначению на Мёзу, она категорически объявила, что отпустит его только при условии, что с ним отправится г-н де Берлестанж, человек верный и рассудительный, который будет следить за его поведением и присылать ей отчеты.

Маршалу пришлось подчиниться и согласиться на подобную опеку. Этот г-н де Берлестанж, высокий, сухой и черный, был давнишним домочадцем семейства Маниссаров. Войдя к ним в качестве ободранного поэта, из прихлебателя он сделался наставником, когда шевалье де Фрулен достиг таких лет, что ему можно было уже преподавать гербоведение и мифологию. Берлестанж был знаком с обоими предметами, так как, по его уверению, был хорошего происхождения и занимался служением музам. Шевалье от этого необыкновенного учителя получил полезные и диковинные сведения. Он мог объяснить значение всех изображений на поле герба и умел различить по атрибутам все морские божества, к которым г-н де Берлестанж имел особенное пристрастие.

Эти уроки скоро натолкнули шевалье на мысль поступить во флот. Тогда он принялся изучать количество и внешний вид королевских кораблей и решать вопрос, похожи ли они на перевозочные суда или барки, ходившие вверх по Сене. Сначала все смеялись над его намерением, на котором он, однако, упрямо настаивал. Когда он вырос и достиг необходимого возраста, он объявил, что ничто не сможет заставить его изменить свое решение. Будучи к своим детям воплощенной слабостью, так что позволил бы дочке Виктории изрезать на кукольное приданое свою орденскую ленту, маршал был не в состоянии успешно противостоять желаниям сына. Итак, шевалье добился того, что отправился завязать знакомство с сиренами, nereидами и дельфинами. Он рассчитывал иметь дело именно с этими мифологическими существами, когда отправился в Тулон, чтобы сесть на королевские галеры. Гребцы и состав команды несколько удивили, но он успокоился, увидев на корме резных из дерева и позолоченных четырех тритонов, поддерживавших фонари; они трубили в кривые раковины и казались ему хорошим предзнаменованием. С отъездом шевалье г-н де Берлестанж остался без занятий, пока г-жа Маниссар не поручила ему сопровождать маршала в полк. Берлестанж сначала поморщился, когда ему об этом объявили, но ему не оставалось ничего, как повиноваться, и, таким образом, 2 марта 1677 года он отправился в местность на Мёзе в собственной карете г-на де Маниссара, от которого, согласно приказу, он не должен был ни на шаг отходить и не терять его из виду. Вот в каких выражениях говорил г-н де Берлестанж о своем путешествии в первом письме к маршальше:

«Если я, сударыня, замешкался с письмом к вам, то это потому, что до сей поры ни одно событие не заслуживало того, чтобы извещать вас о нем, согласно вашему приказу, не опускать ничего, стоящего сообщения. Я ничего не имею к докладу относительно г-на маршала. Экипаж пришелся совсем по нем, так что он большую часть времени храпит, что не мешает ему и ночью спать без просыпу. Таким образом, состояние здоровья и расположение духа его не оставляют желать ничего лучшего, несмотря на небольшое беспокойство, причиненное нам при приближении к городку под названием Фай местными жителями.

Незадолго до прибытия господин почувствовал себя нехорошо от тяжести в желудке, без сомнения от того, что утром покушал много воловану. Не успели мы высадиться, как стали отыскивать докторов; нам указали на двоих. Пока они явились, г-н маршал освободился через верхнее и нижнее отверстия от скопления газов, которое его отягощало, так что он был в шутовском расположении духа. Он уже потерял к этим ученым мужам уважение, которое внушается нам по отношению к ним чувством зависимости от их деятельности. Наружный вид данных личностей способствовал усилению веселости г-на маршала. Это были персонажи из другого мира, вполне подходящие для того, чтобы отправлять людей в «лучший мир». Тем не менее маршал с притворною серьезностью начал спрашивать у них советов. Диагнозы их не совпадали один с другим, а лекарства, прописанные ими, так противоречили между собою, что больной учтиво высказал свое намерение принимать и то и другое снадобье, после чего отпустил их. Они удалились, бросая друг на друга разъяренные взгляды, но лучше всего было то, что каждый из них потихоньку вернулся с доносом на полное невежество своего собрата. К довершению несчастья они оба встретились в передней, и поднялась перепалка, на которую г-н маршал мог смотреть из своей комнаты. Соперники осыпали друг друга самыми учеными ругательствами, платье их раздувалось, колпаки съехали на затылок, кулаки выставлены вперед. Г-н маршал достаточно уже развлекся их первым разногласием, но их стычка и ее чрезмерная смехотворность позабавила его до чрезвычайности. Он до сих пор рассказывает об этом и присовокупил этот анекдот ко множеству других в таком же роде, количество которых будет увеличиваться при его привычке лечиться от несуществующих болезней.

До Груа мы добрались только 7-го. Там мы застали отряд маниссарова полка, который поджидал нас, чтобы служить нам конвоем, и двинулся следом за каретой. Командование принадлежало г-ну де Корвилю, офицеру с большими заслугами. Таким порядком мы продолжали наш путь в течение следующих дней, пока во вторник не оказались приблизительно в четырех верстах от Виркура на Мёзе, где должны были заночевать. Было около четырех часов дня; мы маялись на песчаной дороге, лошади с трудом тянулись, дул довольно резкий ветер, раскачивая верхушки высокого дрока, росшего по канаве.

Как раз в эту минуту слева раздался выстрел, и с дребезгом разбилось окно в карете. Над полем вился дымок. В одно мгновение г-н де Корвиль и четыре или пять кавалеристов пустили лошадей в галоп, перескочив канаву. Они почти сейчас же вернулись обратно. Г-н де Корвиль держал вытянутой рукой за штаны неосторожного охотника, стрелявшего так близко от дороги, и поставил его на землю в трех шагах от нас. Это был малый лет пятнадцати, довольно безобразный, рыжий, который, по-моему, нисколько не раскаивался в своем поступке и не был удивлен видом кареты и лицезрением г-на маршала, перед которым он стоял с ружьем в руке и со шляпой на голове, даже не подумав снять ее.

У него был такой потешный и необыкновенный вид, что г-н маршал не мог удержаться от смеха. Смех этот привел в ярость молодого человека, он бросился, подняв приклад, к карете. Он был на подножке, но г-н де Корвиль оттащил его назад.

Несколько конных спешилось, чтобы обезвредить этого бесноватого. Двое из лакеев хотели им в этом помочь, но первый же, который занес было руку, покатился на землю. Рыжий готов был защищаться, лицо его сводилось свирепой судорогой.

– Ну же! – вскричал г-н маршал. Началась странная свалка. Мальчуган боролся яростно. То исчезал в куче, то показывался снова с поднятым кулаком. Рубашка вылезла из разодранных штанов, и в щелку видно было голое тело. Как раз по этому месту чья-то рука звонко хлопнула. Г-н маршал заливался хохотом. Вокруг потасовки образовался кружок. Вдруг туда ринулось новое действующее лицо и, проскользнув между ногами у лошадей, напало сзади на сражающихся. Рыжий, как и первый, мальчишка очень был похож на него. Действовал он при помощи сетки, утяжеленной кусками свинца, удары которой были опасны. Посторонились, на минуту приостановились.

Г-н маршал вышел из кареты, и так как почва была песчаной, его туфли ушли туда по самые пряжки. Он приветствовал обоих бойцов:

– Простите, милостивые мои государи, что я сразу не оценил ваши достоинства и заметил их только по превосходной вашей самозащите, сударь, и по вашему вторичному нападению. Не соблаговолите ли сообщить мне ваши имена и не откажетесь от стакана вина для подкрепления сил.

Покуда приносили дорожный погребец и открывали кожаный его футляр, г-н маршал вел переговоры с двумя проходимцами и жестами выражал сильнейшее изумление.

– Вот это здорово, Берлестанж! – сказал он мне, возвращаясь в карету. – Эти молодцы некто иные, как сыновья старинного моего друга де Поканси, и замок, зубцы которого вы видите на холме, есть то место, куда он удалился пятнадцать лет назад.

Я помнил этого г-на де Поканси довольно хорошо, особенно потому, что я в свое время слышал много рассказов о нем, но г-н маршал, кажется, еще лучше сохранил его в памяти.

– Поканси, Поканси!.. – повторял он сквозь зубы. – Право, преудивительное приключение, и я хочу довести его до конца. Не попади дробь в стекло, я бы проехал, не останавливаясь. Во всем этом есть что-то подготовленное и непредвиденное, и я хочу знать, чем все это кончится.

Он задал несколько вопросов г-дам де Поканси Жерому и Жюстену, которые с хитрым видом совещались между собою вполголоса.

Г-н маршал объявил нам тогда, что он не намерен оставшиеся четыре версты до Виркура делать в такой карете, где сидящие подвергаются резкому ветру и всем капризам погоды, что лучше заночевать в Аспревалле. Так назывался замок г-на де Поканси.

– Оттуда пошлю поправить окошко в Виркур, и на следующий день можно будет выехать.

Мысль снова увидеть своего г-на де Поканси привела его в хорошее настроение, так что он добавил:

– Служба королю не стоит смерти его слуги, и лучше сохранить для настоящих случаев здоровье, могущее от мелких случайностей сделаться непригодным к употреблению, которое потребует от него благо государства. Ну, Корвиль, в седло! А вы, господа, пожалуйста сюда.

Когда г-н Жером ставил свою ступню на подножку, к нему подбежала собака. Животное держало в пасти куропатку, причину всего происшествия. Г-н Жером принял дичь и сел, держа ее на коленях, рядом с братом, на скамеечку против г-на маршала, смотревшего на них с любопытством. Если г-н Жером не отказался от своей дичи, то и г-н Жюстен оставил при себе свою сеть, еще мокрую и покрытую тиной, и сачок с рыбой, которую он по одной, не стесняясь, вытаскивал оттуда и трогал заскорузлыми руками, меж тем как брат его, молча, проводил пальцами, в ногти которых набилась земля, по красным и серым перьям куропатки, у которой на клюве висела капелька крови.

Так мы приехали в Аспреваль, где г-н де Поканси совершенно не ожидал нашего посещения, которым обязан был он случаю, причине всех событий, долженствующих случиться, и даже многих таких, которые с таким же успехом могли бы и не случиться...»

II

Г-на де Маниссара с г-ном де Поканси соединило некогда обстоятельство, достаточно необыкновенное, странность которого заслуживает того, чтобы о нем упомянуть, раз с этого завязалась их дружба.

Во времена их молодости, около 1643 года, в Париже находилась некая молодая дама из Марэ, галантная, разбитная и статная, которая любила не только показывать, но и на деле доказывать тем, кто, по ее мнению, заслуживал этого, что одного лицезрения недостаточно для того, чтобы составить правильное представление о ее прелестях. Так что она охотно принимала доказательства поклонения, вызываемого ее красотой. Столь откровенный образ действий привлекал к ней множество почитателей, из которых каждый, в свою очередь, получал от нее удовлетворение своим желанием.

К моменту нашего рассказа счастливым любовником при ней состоял г-н де Поканси, более известный в обществе под прозвищем прекрасного Анаксидомена, находившийся тогда в полном, расцвете сил. Против всякого ожидания Поканси задержался в этом положении, что начало возбуждать ропот против него. Всего нетерпеливее ожидал конца волокиты как раз г-н де Маниссар, которому и принадлежала честь восстановления, посредством занятой уловки, порядка последовательности, слишком надолго приостановленной медлительностью г-на де Поканси.

Вот каким образом принялся г-н де Маниссар добиваться своей цели:

Сговорились поехать за город в увеселительный дом г-на де Маниссара близ Рюэйля. Не будучи чрезмерно пышным, этот дом был вполне хорош для того, чтобы провести денек в беседах или развлечениях, для чего в тот день и были приглашены г-да де Нонанкуры и де Борпре, не забыли и г-на де Сиго, чья толстощекая и блаженная физиономия уже одним своим видом веселила и побуждала к забавам. Поканси и его красавица тоже принимали участие в поездке. Она несколько удивилась, что оказалась единственной женщиной во всей компании и что перед ней нет другого лица, с которым она могла бы сравнить свое, чтобы предпочтение осталось на ее стороне. Ведь для женщин главное удовольствие собираться вместе и заключается в чувстве собственного превосходства над всеми окружающими и в преимуществах, которые они от этого себе приписывают. Это укрепляет их, каждую по отношению к себе самой, в том лестном мнении, которое они заранее составили о себе, потому что соперниц они признают только для того, чтобы сильнее быть уверенным в том, что нет ни одной, не уступающей им в красоте и грации. Поканси не заметил этой особенности или принял ее за особое внимание к своей возлюбленной, которой, конечно, эти господа опасались противопоставлять своих любовниц.

Перед закуской все разбрелись по парку. Маниссар показывал его гостям и везде их водил, пока не подошли к трельяжному павильону, где был накрыт стол. Скрипки непрерывно играли во все время трапезы танцы и арии, которым подпевал г-н де Сиго, причем щеки его так надувались, что похожи были на вольнку с человеческим лицом. Даже когда скрипки умолкли, он продолжал гудеть.

Не то вследствие вина, не то вследствие природной пламенности, г-н де Поканси, не успев встать из-за стола, вспомнил, что он заметил в доме прекрасную комнату с удобной кроватью. Туда то он и уединился от остального общества со своею дамою. Все, казалось, так усилленно занялись игрою в кольца, что галантный Анаксидомен тоже счел своей обязанностью как можно живее приступить к игре; но только он встряхнул свой рожок и не успел еще выбросить кости, как вдруг двери распахнулись, и в зеркало, помещенное в глубине кровати, он увидел отраженную фигуру г-на де Маниссара на пороге, а за ним цепью, удаляющуюся в перспективу,

гг. де Нонанкур и де Борпре, за которыми можно было различить добрейшего г-на де Сиго. Остановившись посреди комнаты и сняв шляпу, г-н де Маниссар начал ораторствовать.

Речь его была превосходна. Он представил г-ну де Поканси всю неправоту его пред ним и пред этими господами, столь беззастенчивым продлением срока, предписываемого принятыми обычаями для связи, самый характер которой заключается в том, что она кратковременна. Он действовал вопреки специальным правилам галантности. Подобное поведение принуждало их к жестокой необходимости прибегнуть к окольным путям, чтобы добыть то, чего они желали бы достигнуть естественным ходом вещей и что получить иначе, как постепенным и узаконенным порядком, им внушает отвращение. Г-н де Маниссар эту речь расцвел такими потешными подробностями, что лицо г-на де Поканси, который сначала нахмурился из-за всей этой истории, прояснилось. Все кончилось смехом, и дама так охотно приняла участие в этой шутке, что в тот же день никто из названных господ не имел причины жаловаться, настолько красавица поспешила исправить задержку, от которой она за один раз отыгралась.

Проделка эта послужила причиной для дружбы, завязавшейся между г-ном де Маниссаром и г-ном де Поканси. Галантный Анаксидомен охотно вспоминал, как друг спас его от смешного положения, в котором всегда очутишься, если в любовных похождениях поверишь краткому счастью и будешь на этом настаивать. И г-н де Поканси продолжал свои похождения, по количеству которых он мог бы заслужить название распутника, если бы он с жаром не опровергал этого, указывая на то, что в данном случае играют большую роль темперамент и любопытство, чем убежденная преднамеренность. «Разве я виноват, – говаривал он, – что природа наделила меня определенно выраженным влечением к женщинам, а Бог создал их столь различными по цвету, формам и запаху, что нужно иметь их множество, чтобы получить то, что отличает их одну от другой? Человеку, прибавлял он, на которого действует хотя бы разнообразие их кожи, и то представляется обширное поле для изучения. Я знаю таких, у которых кожа атласная, у других нежная или мохнатая, влажная или сухая, у некоторых почти прозрачная, а у иных более обнаженная, чем у прочих. Заметьте себе, что у одних волосы густые и торчащие, у других гладкие или их нет совсем, у кого волнистые, у кого курчавые, – все это даст вам понятие, к каким исследованиям обязывает вас подобное разнообразие. Знакомство с характерами не менее трудно и требует не меньшего времени. Знакомство это – один из самых необходимых пунктов. У каждой свои особенности, различать которые весьма важно, так как они служат ключом, посредством которого можно снискать их расположение раньше, чем упрочится их милость по отношению к вам. Знать хотя бы приблизительно женское тело представляет собою большой труд, особенно во Франции, где нужно брать каждую по одиночке, иначе прослывешь развратником и даже изменником, потому что для того, чтобы быть верным всем вместе, нужно изменять некоторым, меж тем как на Востоке, имея в серале триста жен, можно достигнуть тех же результатов и приобрести репутацию мудрого человека».

Такой репутации г-н де Поканси своим поведением не приобрел, но общее мнение было, что он человек компанейский и представительный. Он был высок и статен и казался смелым и сильным. Достоинства эти могли бы его далеко подвинуть, но он всегда приносил обязанности в жертву наслаждениям, за что мужчины его осуждали, но женщины были благодарны, так что многое ему прощалось, даже то, что он женился, что сделал он в 1650 году, как только стукнуло ему сорок лет. В конце концов, Мария Урсула де Бурлье состояла г-жою де Поканси ровно столько времени, чтобы успеть подарить мужу сына, которого назвали Антуаном и при рождении которого она умерла, оставив им в наследство большие средства.

Своих средств г-н де Поканси не жалел. Любовь стоит дорого. Расходы на нее значительны: и на подарки, и на собственный туалет. Прекрасный Анаксидомен имел изысканную внешность и щедрые привычки. Он любил и белье, и верхнее платье и не упускал из виду ни одного из новшеств, которые предписываются модою тем, кто хочет сообразоваться с ее капризами. Стоило появиться какой-нибудь ленте или духам, как он тотчас тратился на них.

Разряженный, распомаженный, раздушенный прекрасный Анаксидомен с утра до вечера объезжал город с площади в переулки, из переулков в бани, то в своем портшэзе с ливрейными носильщиками, то в карете, запряженной лошадьми в яблоках, – всюду, где бы представилась возможность быть замеченной его приятной наружностью. Время, проводимое дома, проходило в том, что он обдумывал цвет камзола, способ завязать бант или заставлял писать свои портреты на внутренней стороне шкатулочек, которые затем раздаривал.

Дом у него был благоустроенный и богатый, особенно богат он был всякого рода мебелью, в частности и главным образом всякими столами с ящиками и инкрустированными сундуками, приспособленными для хранения в своих недрах под замками драгоценных и редких предметов. На столе он любил редкостный фаянс и цветной фарфор, который предпочитал серебру, и ничто его так не радовало, как некоторые персидские или венецианские изделия из стекла, прозрачные и хрупкие, казавшиеся сделанными из уплотненной и граненой воды. Зеркала у него были из Мурано, и он вблизи рассматривал в них свои черты и прическу; им приписывал он свой постоянный успех у женщин. Не было почти ни одной красавицы, от которой он не хранил бы то похищенный локон, то надушенную перчатку, то веер, чтобы вспоминать наслаждение, доставленное ему их благосклонностью. Эти любовные реликвии хранились у него в большом флорентийском шкафу, массивный фронтон которого поддерживали нимфы и сатиры, выступавшие по пояс и страстно переглядывавшиеся между собой.

Как раз это пристрастие к редкостям и свело знаменитого Анаксидомена с неким синьором Корлардони. У этой личности, чаще называемой на французский манер Курландоном, от венецианского происхождения сохранилось пришепетывание и привычка к путешествиям. От вида галер светлейшей Республики, пристававших к Эсклавонской набережной, в нем пробудилось стремление к морским пространствам, и у него не было недостатка храбрости, чтобы осуществить это стремление. Он побывал на Переднем Востоке, закупая ковры и розовое, масло. Торговля драгоценными камнями завела его в Персию, откуда вывез он прекрасные экземпляры. Подвиги эти мало его обогатили; в Париже он жил в какой-то берлоге, где торговал стеклянными изделиями, зеркалами и косметикой. Г-н де Поканси время от времени посещал его лавку и выбирал какую-нибудь мелочь. Каково же было его удивление, когда однажды он застал старика в обществе женщины, красота которой произвела на него живейшее впечатление. У нее был тюрбан в турецком вкусе и полуоткрытая божественная грудь. Звалась она Аннета, ей могло быть лет шестнадцать, и Курландон выдавал ее за племянницу. С первого же взгляда г-н де Поканси по уши в нее влюбился и через три месяца женился на прекрасной Аннете.

Прекрасная Аннета рассчитывала играть роль в обществе, так что она почувствовала некоторую досаду, будучи осуждена проводить время в четырех стенах вдвоем с мужем. Поканси тогда, в 1664 году, было пятьдесят пять лет, и он впервые испытал чувство, которое он до сих пор только внушал другим. Он сделался ревнивым подозрительным букой. Просыпался по ночам, чтобы караулить свое сокровище и, возвращаясь с ночного обхода, удивлялся, видя в венецианских зеркалах свое сокровище со свечой в руке, будто человек, вставший с постели, чтобы проверить, запеты ли замки и ставни.

Стариковская влюбленность придает любви свойственный ей пыл, источником которого является сама ее ограниченность. Возраст является побудительным средством для того, чтобы пользоваться настоящей минутой. Этому-то с жаром предался и наш Анаксидомен. Аннета составляла единственный предмет его занятий, и, чтобы еще более ограничить себя в этом отношении, Поканси решил покинуть Париж и удалиться в деревню. Венецианка сначала запротестовала, но потом довольно спокойно примирилась со своей участью. Молодость иногда бывает неожиданно покладиста, у нее нет никаких сомнений относительно собственной длительности; прекрасная Аннета полагала, что с ее молодостью кончится и юность, обретен-

ная вновь около нее прекрасным Анаксидоменом, юность, доказательства которой он доставлял ей с такой пылкой щедростью, что вечно это длиться не могло.

Г-н де Поканси для своего местопребывания избрал замок Аспреваль, доставшийся ему от первой жены Урсулы де Бурлье и расположенный в области Мёзы. Перед тем как туда уехать, он стоворился с г-ном де Маниссаром, что сын его Антуан останется на попечении барышни де Маниссар, сестры его друга. Ребенку было лет двенадцать, и он казался простым и послушным, хотя и рос очень заброшенным; у отца не было времени для ухода за ним, а теперь, когда прекрасная Аннета занимала всецело его дни, времени было бы еще меньше. Маниссар обещал присматривать за воспитанием молодого Антуана, и, покончив на этом, г-н де Поканси уложил свои вещи и распростился с городом, откуда в лице новой своей супруги увозил средство забыть о чужих женах, к которым он так часто прибегал для своего наслаждения.

В течение трех дней, предшествовавших отъезду г-на и г-жи де Поканси, на подводы накладывали мебель и всякую рухлядь. Ящики со стеклами брэнчали на мощеном дворе. Один сундук носильщики уронили с плеч, он вдребезги разбился и развилась ковры. Наконец все было погружено, и г-н де Поканси, не желая терять из глаз столь драгоценный обоз, пожелал ехать за ним шагом в карете.

Путешествие по причине плохих дорог длилось более десяти дней. Ехали медленно; время от времени Поканси высовывал голову в окно, посмотреть, всё ли едет, как ему хотелось; он видел ряд возов, которые, раскачиваясь, то взбирались на бугор, то спускались под гору. Иногда он смеялся от удовольствия, поглядывая на прекрасную Аннету, заснувшую на подушках. Из ее длинных рук, опущенных на колени, выскальзывали в складки платья то веер, то полумаска. И любовь прекрасного Анаксидомена усиливалась при виде этих непреднамеренных, грациозных движений.

Ночей, проводимых в гостиницах, не хватало, чтобы удовлетворять желание, возбуждаемое столькими прелестями. Часто карета вдруг останавливалась у лужка или у поворота в лес. Г-н и г-жа Поканси высаживались, исчезали за опушкой или переходили полянку. Листья касались платья прекрасной Аннеты, мелкие ветки щекотали чулки де Поканси, потом деревья смыкались за ними.

Так как время было летнее, то в лесу пели птицы, а в траве трещали кузнечики. Слышно было, как скрипели оси у подвод, продолжавших ехать, и потрескивал лак на карете, остановившейся на солнцепеке. Ветерок развевал лошадиные гривы. Одна из них била копытом, и это казалось громким шумом в тишине спокойного воздуха, где мухи летали, жужжа вокруг спаренных лошадей.

Мухи эти не давали покоя г-ну и г-же де Поканси, когда они снова занимали места внутри кареты. Тем более что Анаксидомен вынимал из погребца дорожное печенье и бутылки. Мухи летели на сахар, поев крошек, они делались назойливыми, так что г-ну де Поканси не раз приходилось, поднеся бокал к губам, останавливаться и прогонять надоедливых насекомых, между тем как г-жа де Поканси обмахивалась от них веером.

Так путешествие продолжалось без всяких затруднений, кроме самых обычных. Несмотря на медленность, обращали внимание на окрестности. За равнинами Шампани следовали другие местности. Наконец, достигли области Мёзе.

Мёза протекает среди густой травы и лесов. Аспреваль был невдалеке. Приехали туда к вечеру, но достаточно засветло, чтобы увидеть, что замок выстроен еще по-старому. Стены с башнями окружены были рвами. Лягушки квакали в тростниках. От факелов разлетались летучие мыши.

Кое-как привели в порядок лучшую часть здания. Разместили прекрасную мебель г-на де Поканси. Цветные ковры прикрыли неровности и углубления пола, и Анаксидомен узнал счастье находиться вне опасности от любопытных ухаживателей и воров и поздравил себя со счастливой мыслью отвезти прекрасную Аннету в такое место, где можно было поручиться за

ее добродетель, и которое было полезно для ее тела, так как чистый воздух улучшит цвет ее щек, укрепит здоровье и разовьет грудь.

Скуке г-жи де Поканси в этом супружеском уединении ничто не приходило на помощь. Сначала она изливалась в длинных итальянских письмах старому Курландону, но тот перестал отвечать, так как через год после ее отъезда умер. В это время Аннета де Поканси сделалась беременна. Бешенство ее было неопишимо, и близнецы, которыми она разрешилась, нисколько ее не успокоили. Жером и Жюстен были толстые и плешивые. Каждое утро, причесываясь перед зеркалом, г-жа де Поканси заранее на весь день зевала. Анаксидомен, радостный и любезный, был счастлив всеми днями своей жизни. Протекли три года счастья. Собираясь пользоваться жизнью, г-н де Поканси каждый день после завтрака выходил проветриться, чтобы не обрюзгнуть и не отяжелеть. Прекрасная Аннета редко его сопровождала на эти гигиенические прогулки, так что он совершал их один, одетый по последней моде, стройный, подтянутый, словно бы он прохаживался по бульвару или красовался на королевской площади.

Вернувшись с одной из таких прогулок, он не нашел своей жены там, где она обычно находилась. Служанки ее не видели. Обыскали весь замок. Все засуетились. Осмотрели колодцы и канавы с водою. К вечеру г-н Де Поканси стал опасаться несчастного случая. Тогда, открыв полог кровати, он увидел платье, которое обычно носила Аннета. Оно было разложено таким образом, что выходила лежащая человеческая фигура. Бархатная полумаска на подушке, казалось, издевалась над недостающим лицом.

Бедный Анаксидомен тщетно обшарил все окрестности, не находя ни малейшего следа беглянки. Через месяц с лишком он вернулся в Аспреваль. Для утешения ему принесли Жерома и Жюстена. Младенцы пищали. Он послал их на чердак и поднялся в свою комнату. Там он собрал в узел платья Аннеты, продолжавшие лежать на постели. Он запер их в сундук и велел бросить в пруд у Валь-Нотр-Дама. После этого он взял одно из своих венецианских зеркал, долго смотрелся в него и потом разбил.

На следующий день он написал г-ну де Маниссару, чтобы ему прислали сына его Антуана. Антуану было пятнадцать лет.

III

Когда г-н де Поканси оставил сына своего Антуана на попечение г-ну де Маниссару, тот не был уже повесой 1643 года, о котором рассказывали столько забавных историй в Рюэйле. Годы сделали маркиза де Маниссара личностью особого рода, одним из лучших лейтенантов короля. Женившись в 1660 году, он от этого супружества в течение двух лет имел сына и дочь. Властная г-жа де Маниссар дала понять мужу, что она и не подумает брать на себя заботы об Антуане, сговорившись, что его поручат барышне де Маниссар. Юный Поканси вошел в прекрасный особняк на острове св. Людовика, близ моста Марли. Его восхитили высокие потолки и в особенности большой камин, над которым был изображен г-н де Маниссар в виде Марса, но ему редко удавалось снова видеть эти чудесные вещи, так как маркиза сухо его отпустила, и он почти не сходил с верхнего этажа, где барышня де Маниссар, сосланная туда женою брата, как могла устроилась по своему вкусу.

Барышне де Маниссар было тогда около сорока лет. Она была высокого роста и возвышенных манер. Цвет лица у нее, блистательный в молодости, с годами потускнел, но от прежней наружности кое-что сохранилось, что и теперь делало ее внешность очень представительной, если только для женщины достаточно иметь красивые глаза и крепкие зубы во рту. Кроме того, у нее была упругая грудь и руки, немного большие, но такой формы, что нельзя было на них наглядеться. Правда, естественную свою привлекательность она не старалась усилить никакими ухищрениями. На платья она не обращала большого внимания, и, сообразно временам года, менялась только материя, из которой они были сшиты, но не покрой, установленный, казалось, раз и навсегда.

Образованная более, чем обычно бывают девушки, она довольствовалась быть умной, не претендуя на остроумие. Ее чердачок загроможден был гербариями и глобусами, так как хотя она и редко выходила из дома, но интересовалась внешним видом нашей планеты и знаками, произрастающими на ней. Это обстоятельство объясняло то, что на лестнице у нее можно было встретить самый разный народ. Она зазывала к себе путешественников, ботаников и расспрашивала их. Они рассказывали ей о дальних странах и редкостных травах. Кроме этих бродячих людей у нее можно было встретить большие парики и жабо, от которых за версту несло старыми бумагами и чадной свечкой. Она ничего не имела против педантов, если только они нищенствовали и их древние языки ничего им не давали, говоря про них, что за неимением других знаний они знают, по крайней мере, каково добывать средства к пропитанию ремеслом, имеющим целью питать умы других тем, что их ум приобрел наиболее здорового и существенного из общения с древними. Благотворительность ее распространялась на этих бедняков. Она давала им что могла, и они, в благодарность, сочиняли ей хвалебные двустишия и эпиграммы.

Барышня де Маниссар упорно отказывалась от замужества. Объясняли это увлечением молодости, к которому обстоятельства не были благоприятны. Хорошо осведомленные люди прибавляли, что предмет этого увлечения был столь низкого происхождения, что барышня уступила доводам сословной гордости. Говорили также, что, отказав возлюбленному в своей руке, она не отказала ему в более существенном, что весьма возможно, так как у девушек бывают подобные причуды. Но, может быть, этого и не было, так как у них встречается и необыкновенная щепетильность, и странная сдержанность, заставляющая их приносить свое счастье в жертву семейной чести. Как бы то ни было, но в известные дни барышня де Маниссар впадала в глубокую мечтательность, после которой грудь ей теснило, в глазах горел какой-то пламень, в котором смешивались, быть может, желание и сожаление. Минуты слабости длились недолго, она скоро брала себя в руки и делалась по-прежнему деятельной, прямодушной, рассеянной и доброй.

Антуан многим был обязан этой доброте. Он много времени проводил около барышни де Маниссар. В ее обществе он научился прилично разговаривать и писать. Каждую неделю писал своему отцу, отвечавшему ему раз в год. Так что Антуан получил от знаменитого Анаксидомена три письма, четвертое было адресовано г-ну де Маниссару: Поканси требовал своего сына обратно. Новость эта, принятая довольно равнодушно маркизом и маркизой, очень взволновала барышню де Маниссар. Весь день перед отъездом она все бродила, ворча и толкаясь вокруг Антуана, который смотрел, как укладывали его пожитки в сундук. Он был грустен. Уткнув нос в окошко, смотрел, как течет Сена. На берегу лошади подымались от водопоя, лаяла собака. Наконец настал вечер.

Комната Антуана находилась как раз рядом с комнатой барышни де Маниссар. Они сообщались маленьким коридором, обе двери в который летом оставляли открытыми, чтобы воздуху было больше. Антуану очень нравилось это близкое соседство. Перед тем, как заснуть, он прислушивался, как барышня де Маниссар ворочается в своей нише. Иногда снова зажигался свет, барышня де Маниссар высекала огонь из кремня, чтобы зажечь свечку. В проход проникла полоса света, и Антуан слышал, как переворачивают матрас, простыни, как по полу топчут босыми ногами. Барышня де Маниссар ловила блох. И Антуан, засыпая, считал их одну за другой, так как они щелкали под ногтями сухим звуком через неравные промежутки времени.

Последнюю ночь Антуан спал плохо, хотя ранним утром должен был отправиться в путь и силился сомкнуть глаза; ему хотелось плакать. Забывшись на минуту, он снова проснулся. Все было так тихо, что он не сдержался и потихоньку принялся рыдать. Слезы текли у него по щекам. Вдруг он услышал легкий шум, шли по коридору, и со свечкой в руке появилась барышня де Маниссар. Она была в ночном белье по случаю жары, вероятно, очень открытым. Рубашка у нее сползла с одного плеча, и, когда без церемоний она присела на кровать к Антуану, тот увидел, как от тяжести таза натянулась материя.

Голос, которым она заговорила, так изменился, что Антуан с трудом узнал его. Он продолжал потихоньку плакать. Барышня де Маниссар наклонилась к нему и стала гладить его по волосам. Он испытывал легкую томность. Он склонил голову, и щека его встретилась со свежей и полной грудью, неровное и тихое дыхание которой он чувствовал. Тогда он больше не шевелился и так остался, изредка слегка вздыхая.

Они долго пробыли в таком положении. Свеча горела прямым огнем, оплывая крупными каплями воска. Барышня де Маниссар смотрела в глубину комнаты, где неясно белело окно. В дверь постучали пальцем. Она вскочила. Это утренний слуга пришел будить Антуана. Она скрылась бегом, и он не мог ее удержать.

Антуан оделся и перед тем, как сойти вниз, хотел проститься с барышней де Маниссар, но она заперлась на ключ, так что ему пришлось уехать, не повидав ее. Весь дом еще спал. Он прошел через галерею. Над высоким камином красовался г-н де Маниссар в виде Марса. Мощный двор был сырым. Из фонтанной маски текла вода в каменный водоем. Антуан вымыл себе глаза. В соседней церкви ударил колокол. В свежем воздухе горланили петухи.

Первое время в Аспревале показалось Антуану долгим и однообразным, и не потому, что он по природе не способен привыкнуть к жизни без особых событий, так как характер был у него спокойный и склонный к порядку, а скорее потому, что нужен известный срок для того, чтобы приучиться иметь дело только с самим собою. Антуану, действительно, предоставлена была полная свобода. С отцом у него беседы были самые короткие – несколько учтивых слов и вопросы о здоровье; по обоюдному согласию они не выходили из этих рамок. Можно было задать себе вопрос: зачем же г-н де Поканси выписал к себе сына из места его пребывания?

Конечно, он и сам этого не знал, так как ничего не имел сказать ему, ничему не мог научить, до такой степени, что иногда по несколько дней подряд не видал его. Г-н де Поканси почти не выходил из своих апартаментов. Когда Антуан невзначай заходил туда, он заставал отца или шарящим в ящиках, или роющимся в глубине какого-нибудь сундука, Антуан замечал

там веера, перчатки, ленты, коробочки и связки пожелтевших писем. Г-н де Поканси вновь переживал свое прошлое Анаксидомена. Настоящее и все, что его окружало, интересовало его очень мало. Он не думал о ремонте Аспреваля, которому грозило разрушение, и происходило это от равнодушия скорее, чем от скупости, поскольку Антуан никогда не получал отказа в деньгах. Так что Антуан мог считать, что отец его любит, особенно если принять во внимание, как он обращался с близнецами. Он виделся с ними очень редко и то с отвращением. Они были сильные малые, но неряшливые и горластые. Антуан терпел их. Он привозил им из Виркура пряники и ветряные мельницы из картона.

Виркур на Мёзе был ближайшим от Аспреваля городом. Из замка видны были его крыши и колокольни. В нем насчитывалось пять-шесть тысяч жителей – мещан и ремесленников – с необходимым для управления количеством судебных чиновников.

Кроме Виркура по соседству с замком находился еще монастырь в Валь-Нотр-Даме, у которого было много земель, лесов, прекрасных прудов и живорыбных садков. Общество монахов оказалось весьма приятным для Антуана. Прежде всего там находилось то, что можно было назвать «паствой», то есть толпа рабочих, привратников, садовников и пономарей, составлявшая однородную массу, одетую в грубые подрясники и пахнущую козлом, из которых выделялось несколько духовных лиц больших заслуг и здравых учений, вроде игумена г-на де Шамисси.

Г-н де Шамисси жил сначала в миру и в монастыре сохранил благородные привычки, как, например, вкус к вину и хорошему столу. Речь его была искусна и касалась всевозможных предметов, особенно имеющих отношение ко Двору и к войне, к которым он был причастен. Игумен одновременно был твердым и скользким, как его деревянный посох, и заставлял свою паству ходить по струнке. Дисциплина в монастыре была превосходной. Никто не спотыкался.

Никакое отклонение не нарушало установленного порядка. Игумена де Шамисси боялись и уважали в Валь-Нотр-Даме, и если ему случалось подыматься из-за стола с отуманенной головой и тяжестью в ногах, никто себе не позволял ни малейшей шутки на этот счет. Игумен любил хорошо поесть и выпить неразбавленного вина. Антуан не раз мог это заметить, так как мало-помалу сделался сотрапезником г-на де Шамисси, который стал с ним дружить, правда, неизвестно, почему, так как существует большая разница в образе мыслей монаха и двадцатилетнего молодого человека, робкого, доброго и наивного.

Посещения Антуана, начавшиеся на третьем году после его возвращения в Аспреваль, сделались все более и более частыми. Один или несколько раз в неделю Антуан отправлялся в Валь-Нотр-Дам, какое бы время года и погода ни стояли. Зимой, замерзшая или покрытая снегом земля звенела или скрипела под его ногами, сверкал льдом пруд. Случалось, что Антуан приходил промокший до костей или по уши в грязи, так как область Мёзы дождлива. Весною, наоборот, там очаровательно: поля вновь покрываются зеленью, на ветках появляются почки, – все это производит более приятное впечатление, чем где бы то ни было. Летом Антуан ходил через желтеющие поля. Быки смотрели, как он проходил, положив слюнявые и рогатые морды на поперечины загоронок; карпы в пруду выскакивали над водою. Осенью, под вечер, возвращаясь в Аспреваль, он слышал токование тетеревов, а заяц с мохнатым животом и длинными ушами цвета палых листьев перебегал ему дорогу. Молодой Поканси всегда заставлял игумена приветливым и благорасположенным, то греющимся перед камином, где пылал хворост и поленья, то в тени увитой беседки в саду, с книгой, кружкой вина и глиняной трубкой, из которой он курил табак.

Игумен и ознакомил Антуана со многими событиями, между прочим, и с неожиданным бегством прекрасной Аннеты Курландон. Рассказал он ему, как посетил его печальный Анаксидомен, в поисках жены, которую нельзя было найти. Окончив рассказ, он с лукавым видом вытряхнул пепел из трубки. Кроме этих сведений о семейных событиях, Антуан там узнал то немногое, что знал он о мире и царствовании. От игумена ничто не ускользало из того, что

происходило за стенами монастыря, касалось ли это войн или всяких других происшествий, и рассуждал он об этом довольно свободно. Зачастую беседа принимала более фривольный характер и большое место отводилось анекдотам о виркурских дамах. Охотнее всего игумен рассказывал о некоей даме Даланзьер, супруге г-на Даланзьера, комиссара по военным делам. Жила она в Виркуре, где у ее мужа была земля. По своей должности он часто уезжал на границу, обстоятельство очень удобное для женщины, с которым жена его удобно сообразовалась.

Игумен замечал, что всякий раз при упоминании г-жи Деланзьер Антуан краснеет. По правде сказать, он видел ее несколько раз и был в том возрасте, когда женщины волнуют и смущают. Антуану был тогда двадцать один год. Без сомнения, он раньше бы заметил это в себе, если бы ему чаще приходилось думать о том, о чем обычно думают молодые люди. Его мыслям не к чему было прицепиться, так как пастушки и служанки не способны заставить мечтать человека деликатного и из хорошей семьи. Наоборот, глядя на г-жу Деланзьер, он всегда думал, как должно быть приятно побыть с ней под одеялом.

Однажды, придя в Валь-Нотр-Дам, он заметил, что во дворе стоит карета, у игумена были посетители. Антуан прошел по приемной, завтрак был еще не убран – по оставленным фруктам и недоеденному желе было видно, что гостей угощали. Он направился к саду, откуда доносились голоса.

Монастырский садик был квадратным, в середине устроено место для игры в шары, Г-жа Даланзьер и остальные гости, приехавшие в карете, окружали играющих. Она была красива и немного полна. Темные вьющиеся волосы выгодно оттеняли ее лицо. Косынка оставляла открытой верхнюю часть груди. Она кокетливо шепталась. Игумен собирался бросить большой шар, еле помещавшийся у него в ладони, и взглядом ясно давал понять посетительнице, что он, конечно, предпочел бы держать в руках округлость более упругую и сладостную. Шар, брошенный как бомба, упал в двух пальцах от цели.

Приход Антуана прервал игру, и игумен предложил дамам пройтись по саду к пруду.

Сад был обширен и в изобилии украшен цветами и буксами, распространявшими сладко-горький запах. Отсюда виден был игуменский флигель. Построен он был из белого камня и розового кирпича с балконами, выделанными, как клиросная решетка. Окна выходили на пруды. Тот пруд, к которому все направились, представлял собою довольно большое пространство воды посреди леса. Придя на место, увидели издали сквозь деревья, что весь берег занят довольно большим количеством монахов: одни стояли, другие лежали на траве. Многие начали уже развязывать свои сандалии. Из подоткнутых ряс видны были волосатые ноги. Г-жа Даланзьер поинтересовалась, зачем они разуваются, на что игумен ответил, что это купальные часы.

Игумен предписывал мыться часто и приказывал летом общие купанья под открытым небом, чтобы отбить запах пропотелых подрясников. Покуда он объяснял, купальщики продолжали раздеваться, не замечая, что за ними наблюдают. Там было их всякого возраста и всякого роста. У некоторых под облачением были какие-то сложные штаны и длинные рубашки, у большинства платье надето было прямо на тело, так что, подняв рукава и сняв одежду через голову, они сразу были готовы.

Монахи ждали знака, чтобы начать купанье. Они расхаживали, с удовольствием чувствуя на теле теплоту воздуха. Некоторые потягивались, другие чесались. Высокий малый валялся на траве, задрав ноги, причем подошвы у него были такие заскорузлые и пожелтевшие, что можно было подумать, что он носит кожаные подметки. Толстяк блаженно скрестил руки на огромном животе. Двое-трое худошавых забавлялись тем, что щипали друг друга.

Вдруг, услышав звук колокола, верзила с задранными ногами поднялся и первым вскочил в пруд. Вода разбрызгалась вокруг него, и он снова показался весь мокрый. Другие последовали его примеру, осторожно или храбро. Умеющие плавать отплыли дальше, те, кто только бултыхался, остались у берега. Взбаламученная вода сверкала на солнце от бульканья голых тел, перекрещивались громкий смех и пронзительные крики. Вдруг все смолкло.

При виде приближающегося общества все смутились; монахи присели по горло в воду, на поверхность выступала только влажная слоновая кость выбритых макушек, как будто цветы плавающих пенюфаров.

Колокол прозвонил к окончанию купанья.

Минуту колебались. Наконец, самый храбрый решился и побежал к своему платью. Другие последовали его примеру. Они искоса взглядывали на дам. Последним вылез из воды молодец, который только что первым вскочил в нее. Подрясник его находился как раз около г-жи Даланзьер. Он пошел к ней, чтобы одеться. Человек был высок и хорошо сложен. Г-жа Даланзьер посмотрела на него, и Антуан, находившийся от нее поблизости, мог видеть, от чего она покраснела, даже если бы она не указала кончиком веера на то, что вогнало ее в краску.

Игумена очень забавляло смущение его паствы и веселость дам. Когда он пошел от пруда обратно, они с сожалением последовали за ним. Г-жа Даланзьер все время оборачивалась назад и снова принималась смеяться. От смеха виднелись ее зубы, которые были превосходны, и раздувалось ее круглое и свежее горло. На солнце щеки ее казались розовыми, а в тени нежно смуглели. Вошли в игуменские покои. Г-жа Даланзьер вышла на балкон. Монахи возвращались гуськом, спрятав руки в широкие рукава. Бедняги, казалось, совсем обомлели от того, что гости застигли их во время купальных забав. Сандалии шаркали по гравиию.

Встреча с г-жою Даланзьер имела для Антуана де Поканси хорошие последствия. С этого дня он привязался к этой даме, постоянно оказывая ей различные услуги. Игумен, как человек добродушный, с улыбкой смотрел на их отношения. Отношение Антуана было несложно и состояло в том, что он взирал на г-жу Даланзьер с таким видом, будто находил в ней все совершенства. Со своей стороны, г-жа Даланзьер, по-видимому, считала, что у Антуана налицо все те качества, которые первыми любят открывать женщины в мужчине. Она благосклонно относилась к его исканиям и принимала знаки восторженного обожания. С той минуты время для Антуана проходило незаметно, потому что он научился находить для него наилучшее употребление, т. е. посвящать его наслаждению, в особенности же не последнему из наслаждений – целоваться взапас и крепко прижиматься друг к другу, вкушая таким образом естественную игру плоти, которой, за исключением самых сокровенных наших частей, удовлетворяются глаза, руки и поверхность кожи. Г-жа Даланзьер в этом пункте сходилась с Антуаном. Они скоро согласились между собою относительно доказательств взаимного понимания и быстро достигли цели, к которой часто приходят разными окольными путями. Неопытность Антуана дала ему возможность при содействии г-жи Даланзьер довести до конца дело, в котором оба они были заинтересованы.

К тому же с г-жою Даланзьер иначе и не следовало себя вести, так как она совсем не утруждала себя рассуждениями. Своею сообразительностью она пользовалась исключительно для измышления всевозможных средств и хитростей, чтобы г-н Даланзьер считал ее за добродетельнейшую из женщин. Покончив с этим, она думала только о своем удовольствии. Очень большое значение она придавала здоровью и нарядам. Она была довольна собою и никого так не любила, как себя. Ее происхождение казалось ей лучшим на свете, так как благодаря ему она пользовалась жизнью, которую любила. Она очень берегла себя во всем, кроме любви, и охотно соблюдала режимы, веря не только в медицину, но и в докторов; особенно доверяла она некоему Корвизо, жившему в Виркуре, у которого часто спрашивала совета. Она познакомила его с Антуаном, который в случае надобности приглашал его к отцу, на чьем здоровье начали сказываться лета, беспокоя его разными недомоганиями.

Г-н де Поканси очень изменился в обращении с Антуаном после того, как у того появилось что-то такое, что придает любовью. Он благожелательно наблюдал, как тот, прифранченный и надушенный, отправлялся в Виркур. Старый Анаксидомен из болтовни доктора Корвизо узнал о похождениях своего сына. Ему он ничего не сказал, но лучше стал с ним обращаться. Вместо того чтобы сухо отпустить его, он задерживал его при себе, рассказывал

кое-какие анекдоты. С течением времени он стал рассказывать ему такие истории, довольно откровенные, где сам был героем. Г-н де Поканси в своих беседах заходил далеко. У Антуана начало складываться совсем новое понятие об отце, который, прежде чем сделаться старым затворником в кресле, был человеком как и все другие, и даже молодым человеком, как он сам. И это открытие его умиляло.

Таким образом, Антуан жил счастливо в Аспревале. Игумен из Валь-Нотр-Дама продолжал с ним дружить.

Г-жа Даланзьер доказывала свою любовь. Единственную заботу для него составляли его братья – Жером и Жюстен. Они с детства проявляли худшие наклонности, которые теперь, когда они подрастали, делались тем более опасными, что ни у кого не было достаточного авторитета, чтобы подавлять их. Г-н де Поканси и слышать не хотел об этих парнях, а Антуан их побаивался, так как у них были полны карманы камней, заостренные палки, и они стали хитры и грубы.

Иногда он думал об этом по вечерам, ложась спать, но кончалось все тем, что он тушил свечку, поворачивался на другой бок и засыпал. У него были предметы для мечтаний получше, чем домашние дразги, скучные для молодого человека двадцати пяти лет. Иногда он думал о предстоящей партии в шары в Валь-Нотр-Даме, иногда о вещах более нежных. Не предстояло ли ему отправиться на вечер к г-же Даланзьер? Конечно, там будут гости, но зато он будет иметь удовольствие видеть свою возлюбленную во всем блеске. Она не преминет украдкой послать ему особенную улыбку или какой-нибудь из тех небольших знаков внимания, которыми любовники при народе обмениваются, думая, что их никто не замечает, между тем как они настолько ясны для тех, кто их видит, что, по-видимому, их вовсе и не желают скрывать. Ему нравилось представлять ее себе обнаженной, с прекрасной грудью, с весом которой была знакома его рука и два сосца которой, нежные и шероховатые, оставляли на языке солоноватый вкус.

IV

Утром того дня, когда экипаж г-на маршала де Маниссара неожиданно въехал в Аспреваль, Жером и Жюстен де Поканси сидели рядом у замковой канавы. Воды в ней почти не было, и поверхность ее была покрыта зеленью, из которой там и сям торчали кучки камыша. По другую сторону рва круто подымались стены из серого камня, прорезанные узкими окнами. По пузатой массе большой круглой башни густо вился дикий виноград, оплетая ее зеленой сеткой с темными прожилками. Листья, перевернутые наизнанку, блестели более яркой зеленью. Сороки с пронзительным криком детали по аспидному небу. Они подымались в вышину, снова слетали на землю и ходили по луговой траве на пологом спуске Мёзы, которую видно было внизу; а за нею, за поворотом, виднелись крыши Виркура. Город расположен был по обоим берегам, соединяясь каменным мостом.

Оба подростка молчали; Жюстен занят был починкой сетей, разложенных перед ним на бугорке. Примятая трава выпрямлялась зелеными пучками через просмоленные петли. Нижняя часть снасти с поплавками и грузилом погружена была в ров. Пальцы Жюстена отыскивали прорехи, и сеть вздрагивала, как живая. Окончив работу, Жюстен встал. Он поднял раму с сеткой, через которую предметы видны были затемненными густым квадратом, потом сеть снова шлепнулась наземь кучей, как палый зверь. Жюстен снова сел. Потом лег на живот и лежал неподвижно, оперев на руки свою желтую голову.

Он с удовольствием вдыхал запах рыбы от сетей. Из канавы к этому присоединился еще запах стоячей воды и теплого ила, так как солнце проникало до него и согревало его тихонько. Жюстен благосклонно вбирал носом эту болотную плесень. Он любил воду, грязь, реку и пруд. Ему были известны все окрестные лужи и берега Мёзы вверх и вниз по течению. Он был терпеливым рыбаком, и со дней его детства у болотных жаб и канавных лягушек не было злейшего, чем он, врага; ни головастикам, ни лягушатам он не давал спуска. Лотом он попробовал настоящую рыбную ловлю. Монастырские садки могли бы кое-что рассказать по этому поводу. Мёзские рыбаки брали его с собой. Он приобрел необыкновенную ловкость в этом деле. Ничто не могло его остановить – ни лето, ни зима, когда по реке уже плавали льдины или темные ее воды текли между покрытых снегами берегов. Он сделался хитрым и грубым, быстро приходил в гнев, так что весь дрожал из-за потерянной рыбы или опороженной плетенки. От привычки все время всматриваться в прозрачную воду наклонившись, глаза его приобрели зеленоватый расплывчатый оттенок. Он то и дело откидывал назад прядь грязных волос, падавших ему на лоб, и бледные ногти на руке казались затвердевшей чешуей.

У брата же его, наоборот, посреди рыжего лица были живые, маленькие, как у птицы, глаза и во всей его фигуре были какое-то беспокойство, скрытность и, в то же время, настороженность.

Как раз переменялся ветер и доносил теперь запах земли, поля и леса. Тростники во рву зашуршали, будто пробежало испугнутое животное. Жером заканчивал свою работу – чистку длинного мушкета. Он навел блеск на ружейную полку и вставил шомпол.

Жерома всегда интересовали деревья и трава. Всегдашним его занятием было разорять гнезда и норы, подстерегать зверя и нападать на след. Он был изобретателен на всевозможные капканы и ловушки, но, как только он получил возможность добывать себе порох, он стал пропадать из дома и стрелять дичь с редкой ловкостью. Как и Жюстен, он сделался хитрым и выносливым, как и тот, подвержен вспышкам гнева, доводившим его зачастую до потасовок, так что его избивали до крови. Обычно они умели сговариваться и соединяться во всем против неприятелей, поэтому у них была еще склонность приносить вред другим, что они и делали по мере сил. Они внушали страх, как люди опасные и злые. Речь их была пересыпана непристойностями. Вместе с этим, высокомерные и чванные, круглые невежды, в некоторых отношениях

они не по возрасту были доверчивы и наивны. Грязные и оборванные, они походили скорее на бродяг, чем на дворян, хотя, разговаривая друг с другом, иначе не называли один другого как «сударь».

Они поднялись.

– Куда идете, сударь? – сказал Жером.

– На монастырские пруды, сударь. А вы?

– В Саблонье, стрелять куропадок.

В эту минуту они слышали звук голосов.

По луговой тропинке приближался Антуан в сопровождении верховного. Жером и Жюстен исчезли, один с мушкетом на плече, другой – увлакивая за собой свои сети. На их недавнее присутствие здесь указывала только помятая трава.

Антуан, пеший, и г-н Корвизо, верхом на муле, приближались бок о бок. На месте, откуда только что ушли Жером и Жюстен, они остановились. Корвизо высморкался, а Антуан погладил мула по морде.

Г-н Корвизо был маленького роста, довольно безобразен, одет в черное, с помятым белым воротником и остроконечной шляпой. Роговые очки сидели у него на носу. Лицо было желтое, рот растянутый, одна бровь выше и гуще другой, руки и ноги – огромные, голова – круглая, большой парик, короткая и зобастая шея, плечи подняты почти до ушей, длинных и волосатых.

– Ваше сообщение меня не удивляет, сударь, – говорил г-н Корвизо. – Положение вашего отца есть только результат времени. Тело наше, даже будучи в полной своей силе, не весьма удовлетворительно и довольно плохо исполняет свои обязанности. Так что упадок его может только усугубить соответствующие недомогания. Это закон природы, сударь, и все целебные травы, по которым ступает мой мул, помочь тут бессильны.

Корвизо рассуждал тоненьким голоском с довольным видом, как будто ему доставляло удовольствие констатировать тщетность своего искусства. Он наклонился с седла. У него были тонкие длинные руки, так что он, не слезая, мог сорвать травинку, которую начал кусать.

– В конце концов, сударь, – продолжал он, – с этим надо примириться. Все проходит; единственное, что есть непреходящего в нас, – это естественное расположение к тому, чтобы мы были существами преходящими. Все согласуется с этим правилом. Отец ваш старится, и замок его разрушается; говоря по совести, сударь, я не вижу в этом ничего худого, это лишит вас всякого повода здесь оставаться. Не собираетесь же вы всю свою жизнь считать здесь ворон? Вы думаете, что нет других горизонтов, кроме здешнего, и других женщин, кроме г-жи Даланзьер? Неужели вы полагаете, что и я сам должен без конца торчать в Виркуре, прописывая промывательное местным мешанкам?

Антуан слушал. Игумен из Валь-Нотр-Дама иногда говорил ему нечто подобное и также упрекал его за затворническую жизнь, совсем не подходящую для молодого человека.

Корвизо продолжал:

– Нет, сударь, нет, честное слово Корвизо, я не останусь в этой дыре. Мы увидим. Говорят, что армия переходит Мёзу, и кампания будет суровой. Война, сударь, и любовь – лучшие друзья докторам. Я имею в виду не колотые раны от пик и не рваные раны от пуль – это дело хирурга и по сему меня не касается, но я говорю о следствиях походной усталости. Ничто не способствует так развитию вредных элементов в теле, не говоря уже об эпидемиях, которые часто от этого происходят и представляют из себя доход, которым не следует пренебрегать.

Корвизо расхохотался. Поднял нос и насторожился, как будто ждал, что ветер донесет звук пальбы или зловонную заразу, но не долетало ничего, кроме крика сорок, дерущихся на дереве. Мул махнул хвостом. Корвизо взял из табакерки щепотку табаку.

Корвизо часто шутил, шуточки его были разнообразны, но по большей части низменны и циничны. В этом докторе было что-то от шута, что не мешало ему по временам говорить связно и рассудительно, даже до некоторой степени философически, но философия его сейчас

же делалась тривиальной и грязной. Часто говаривал он, что в человеческом теле ничего нет хорошего, что это грязь, которую он стыдится даже описывать. Присовокуплял он также, что ум человеческий немногим лучше и что все вместе – жалкое соединение безобразия и подлости и нужно быть безумцем, чтобы придавать этому значение или гордиться этим. Все было бы превосходно, если бы он этим и ограничивался, но он всегда подкреплял эти рассуждения самыми отвратительными примерами и самым недостойным образом портил высказываемые истины. Если можно презирать человека за его существо, то все-таки нужно делать это с некоторым приличием и не слишком откровенно радоваться человеческим слабостям. Корвизо же они доставляли удовольствие. Он любил болезни не только за них самих, но и потому, что видел в них источник своей власти. Он утверждал, что самая незначительная боль делает из страдающего человека престранное создание и что в подобном состоянии люди, наиболее тонкие и хитрые, могут поверить любым глупостям. На духе отзываются все изъяны тела, и он готов отдать что угодно за то, чтобы избавиться от них. Таким образом, по словам Корвизо, власть докторов неизмерима, и весь мир должен быть к их услугам вместо того положения, по которому они готовы к услугам всякого.

Тем не менее, неожиданные и острые колики, схватившие г-на де Поканси, заставили пригласить в Аспреваль эту странную личность. Корвизо с некоторых пор поселился в Виркуре. Он снимал маленький домик с садиком, выходящим на Мёзу. Часто можно было видеть, как он спускался к реке с колбами и ненадутыми пузырями, так как считал себя за ученого и немного химика и делал разные смеси. Его встречали и за городом, где он собирал в карманы растения и камни, а свежие травы нес в тулье своей шляпы. У него были необыкновенно длинные и грязные ногти, один ноготь сломанный; когда он щупал пульс у городских дам, ноготь этот всегда чувствительно впивался в их кожу. Тем не менее, он имел успех в Виркуре, хотя лекарства его были зверскими на вкус. Grimасы больных доставляли ему почти такое же удовольствие, как монета, получаемая им в плату за визит.

По приезде он выставил необходимые свидетельства, хотя он не был ни филиатором, ни лицензиатом парижского факультета и не защищал тезисов, не сдавал опытных работ, так же как и не получал докторской шапочки в Монпелье. Он проходил курс своего учения в Голландии, в Лондоне или Амстердаме. Он охотно говорил о городе с сотней каналов, воды которых, разделенные или соединенные, циркулируют, как кровь в человеческом теле. Хвалил жирные, мучнистые сыры, мочегонное пиво, толстобокое суда, что качают на волнах свои раздувшиеся, как в водянке, кормы. Он лечил там купцов, чиновников при бургомистре, городской гарнизон и моряков, привозивших странные и любопытные болезни, и похвалялся, что в этом отношении ему удавалось видеть лучшие примеры.

Болтливый, когда дело касалось других, Корвизо был очень скрытен относительно себя, и только по отрывочным признаниям можно было кое-что заключить. В молодости, очевидно, он совершал морские путешествия, вероятно, на каком-нибудь голландском судне в качестве доктора; но он так старательно примешивал к своим рассказам всякие несообразности и нелепости, отчасти из расчета, отчасти из шутовства, что в них трудно было отличить правду от выдумки. Можно было предположить, что он посетил Антильское море, если только вообще покидал материк, до такой степени все у него выходило неясно и путанно.

Рассказы эти снискали ему восторженное удивление со стороны Жюстена и Жерома де Поканси, которых зачаровывали повести о путешествиях и диковинных зверях, так как в бездельниках еще сохранился бродяжный дух их старого дяди Курландона и беглянки Аннеты. После сказок Корвизо карпы, которых Жюстен ловил в монастырском пруду, и дичь, что Жером стрелял около Аспревалы, казались им ничтожными. Им нужно было бы летающих рыб и птиц с человеческими головами. Корвизо, по его словам, видел таких на реке Боратунде и на горе Капподикю.

Корвизо очень забавляла доверчивость этих мальчиков, и он пускался перед ними в рассказы, гордый, что ему поверят, так как был крайне тщеславен и не пропускал случая усилить и укрепить восторг по отношению к себе, которого он добивался. То обожание, что выказывали ему Жером и Жюстен, очень ему нравилось. Он им не пренебрегал и был за него благодарен. Однако это же обожание было причиной случая, возбуждавшего к нему глухую и долгую ненависть.

Однажды Жюстен, копаясь в монастырском пруду, вытащил оттуда деревянный ящик. В нем находилось женское платье и черная маска. Материя истлела от сырости. Молодцы стали придумывать, как бы использовать свою находку. Им и в голову не приходило, что это платье их матери, которое она носила в последний раз и которое г-н де Поканси когда-то велел утопить. Они вздумали из этих локутьев смастерить какое-нибудь животное, из тех, что им часто описывал Корвизо. А так как они были мастера на разные рукоделия, то им легко удалось при помощи ивовых каркасов устроить что-то вроде летучей мыши с растопыренными крыльями. Черная бархатная маска изображала траурную голову. В сумерках чучело производило довольно устрашающее впечатление. Они повесили его на ветку, так что от ветра оно колыхалось. Потом ушли, оставив его висеть.

Дерево же, на котором была повешена эта штука, находилось как раз на дороге из Виркура в Валь-Нотр-Дам, по которой Корвизо возвращался домой. Он шел потихоньку, луна только что взошла, как вдруг увидел перед собой это чудовище, которое, казалось, загораживало ему дорогу. Удивился ли он или напугался, но Корвизо упал ничком и долго бы так пролежал, если бы монастырский садовник, везший в Виркур корзину с фруктами для г-жи Даланзьер, не погрузил его на своего осла и не отвез в монастырь, где его привели в чувство.

Корвизо знал, что приключение это сделалось известным, и знал его виновников, так что дал себе слово не оставить им этого даром, но не подавал вида и продолжал забивать им голову дурацкими историями, с удовольствием видя, что они с каждым днем делаются все опаснее и что с ними нет никакого сладу. Антуан умолял его поговорить о них с г-ном де Поканси, но старый Анаксидомен ушел от разговора, принявшись снова за свои излюбленные анекдоты и воспоминания. Корвизо эти рассказы доставляли удовольствие и пользу, утверждая его в мысли, что человек – жалкая кукла, надутая ветром и пылью, которой женщины помыкают как хотят. Возможно ли поверить, что он, Корвизо, потерпит неудачу там, где они имеют успех, когда к его услугам для принуждения людей имеется рычаг более мощный, чем улыбки и ужимки, – страх, питаемый людьми к телесным болезням, и преимущество слыть за такого человека, во власти которого – облегчать страдания?

Корвизо был честолюбив и видел в лице старого Анаксидомена удобный случай проявить приписываемое себе могущество. Не то, чтобы г-н Корвизо находил в Аспревале, что-нибудь стоящее того, чтобы прилагать усилия к каким-либо предприятиям. Он рассчитывал, добиваясь власти, приобрести доверие, выиграть ставку, если можно так выразиться. Действительно, хороша пожива – дяденька, возраст и болезни которого предоставляли ему его в распоряжение: еще сегодня Антуан приехал за ним для г-на де Поканси. Что же касается Антуана, то к нему не стоило привязываться, строить на нем какие-либо планы, не было почти никакой надежды. Он не проявлял ни малейшего желания попытать счастья в свете, и, когда Корвизо побуждал его сделать попытку завоевать себе положение, тот не слушал его и не высказывал никакой готовности отважиться на что-либо, что отступало бы от обычного хода его жизни, а образ жизни, который он вел, был таков, что не позволял надеяться, что в один прекрасный День в нем обнаружится что-нибудь, из чего можно было бы создать себе значительность в свете.

– Ну вот, сударь, – сказал, наконец, Корвизо, – вот мы и добрались без особенных приключений. Я всегда боюсь, чтобы мой мул Глоризета не угодил в капканы, которые ваши братцы расставляют повсюду, так что ни одна дорога небезопасна. Но благодарение Богу, мы добрались! А что до них, возьмет ли черт их или не возьмет, но в один прекрасный день они угодят

на виселицу, несмотря на свое дворянство. А в таком случае вам не избежать многих затруднений, вам, сударь, и вашему семейству, чей здоровый и живой ствол представляете вы, а они – скрюченную и суковатую ветку.

Действительно, и сам Антуан шел с осторожностью, так как накануне он попал в силки, протянутые его братьями и чуть не сломал себе голову, шел, ничего не отвечая, и слышно было, как ветер шелестел в плюще на большой башне. Он поднял глаза при звуке сухого голоса Корвизо.

– Ого! – сказал доктор, – этот мартовский ветер довольно резок, у меня совсем замерзли уши. Как бы отнеслись вы к стаканчику вина? Я полагаю, что было бы недурно, перед тем как подняться к вашему батюшке, зайти в погребок, тем более что мне очень интересно посмотреть, не прибыл ли испанский мускат.

Погребок этот был чуланчиком, где г-н де Поканси собрал избранные вина. Время от времени старый Анаксидомен испытывал потребность согреть себя глотком вина. С возрастом теплота теряется. От вкуса нектара г-н де Поканси чувствовал, как легкое пламя пробегало у него по всему телу и ударяло в голову. Легкий румянец окрашивал ему щеки. Память просыпалась. Прошлое казалось ему озаренным усиленным сиянием, воспоминания делались более живыми и обостренными. Анаксидомен в нем возрождался галантным и влюбленным.

Итак, он сам наблюдал за этим специальным запасом. Регулярно посещал его, вдыхая сырой подвальный и винный воздух. Никто туда не проникал кроме него и Корвизо, которому он доверил ключ от погреба, в чем этот маленький человечек видел одно из доказательств расположения к себе. Итак, он сошел со своего мула на землю двора с важным видом, высоко подняв голову, и вошел в замок, не дожидаясь Антуана, который чистил о скобу грязные подошвы своих башмаков.

V

Антуан де Поканси был занят, вероятно, мечтанием о прелестях г-жи Даланзьер, когда в тот же день, около пяти часов, казачок, бывший у него на услугах, распахнул дверь в его комнату не постучавшись, как обычно, и вошел, в расстроенных чувствах, крича:

– Сударь, сударь, солдаты на дворе!

Казачок второпях заикался, запыхавшись от быстрого бега по лестнице. Антуан поспешил вслед за ним.

Из окна длинного коридора он действительно увидел десятка два всадников, окружавших полукругом большую карету с расписным кузовом, поддерживаемым ремнями из красной кожи; лошади только что сделали оборот, из экипажа в открытую дверцу выскочили Жером и Жюстен и быстро скрылись.

Зрелище было необычайное. Лошади стучали копытами. Испуганные вороны и голуби стаями летали в небе. Собаки лаяли. Одна из них, довольно паршивая, с оборванной цепью, скакала на грудь к лошадям и на сапоги верховым. Очевидно, несколько прикладов обратили ее в бегство, потому что, как только Антуан появился во дворе, она бросилась ему под ноги, и он чуть было не упал.

Ему понадобилось довольно много времени, чтобы выйти из столбняка, так что он вполне пришел в себя только тогда, когда провел г-на маршала в большую замковую галерею. Хотя г-н де Маниссар постарел и довольно сдал с того времени, как Антуан в детстве жил у него на острове Сан-Луи, он тотчас его узнал. Он знал от игумена Валь-Нотр-Дама о его военной карьере, и г-н маршал отлично помнил мальчугана, которого некогда приютил и о котором сестра его заботилась на своем чердачке. Антуан почувствовал на своей щеке щетину бритой бороды. Поцеловались. Потом Антуан услышал из уст маршала рассказ о разбитом стекле и о том, как, в конце концов, с одной стороны, боязнь вечерней свежести, с другой, желание снова увидеть друга привели г-на де Маниссара в Аспреваль.

Маршал, усевшись в кресло, протянул ноги к огню, снял парик и, держа его на кулаке, в результате чего обнаружился его череп с бритыми седыми волосами, Уже задавал себе вопрос, хорошо ли он сделал, поступив, сообразуясь со своим капризом и любопытством.

Помещение казалось ему несколько заброшенным. Огонь освещал красным светом разъехавшиеся плиты на полуголые стены, худое и воспаленное лицо г-на де Берлестанжа, который раздувал огонь своим дыханием вместо продранных мехов. Г-н де Маниссар стал беспокоиться, не будет ли недостатка в удобствах в Аспревале, и немного утешился при мысли, что у него в сундуках находится все самое необходимое. От вида и запаха бульона, который ему принесли, он просветлел и мысленно похвалил себя за то, что не пустился в дорогу с разбитым окном, подвергая себя мёзским ветрам, которые в марте сохраняют еще зимнюю резкость и остроту.

– Нужно беречь свое здоровье, – думал он, – и целиком его сберечь для королевской службы; лучше умереть от пушечного выстрела, чем от порыва ветра.

Между тем, лакеи занялись устройством постели. Кровать была та же, на которой некогда г-н де Поканси нашел разложенным платье прекрасной Аннеты Курландон в вечер ее бегства из Аспреваля. Ее отнесли в нежилую комнату, рядом с большой галереей. Г-н маршал встал посмотреть, как стелют ему прекрасные простыни из фризского полотна. Он пощупал матрас и одеяло. Оно было из тончайшего китайского шелка. Г-жа Даланзьер уже давно на него зарилась. Она мало-помалу приучила Антуана заниматься домашними делами и потихоньку от старого Анаксидомена иногда приходила проверять, все ли в порядке в Аспревале. Маршал обрадовался при мысли хорошо поспать, так как любил тонкое белье.

– А, сударь, – сказал он фамильярно Антуану, – отец ваш не так изменился, как вам угодно было утверждать, узнаю его по этому белью. Никто больше, чем он, не любил хороших постелей. Ах, каким молодцом был он в постели! Я говорю это не для того, чтобы вас оскорбить, но вы уже в таком возрасте, что можете знать, что у вашего батюшки в свое время было много походов. Этой склонности вы обязаны рождением двух ваших братьев, с чем я вас не особенно поздравляю, хотя их мать была красивейшей женщиной на свете!

Антуан вспомнил, что два или три раза видел вторую жену г-на де Поканси; он поклонился в знак согласия.

– Черт возьми! – продолжал маршал, ударяя кулаком по подушке, причем рука его далеко вдавливалась в перья, – если бы я был с нею здесь, я бы непременно подарил вам третьего братца!

Г-н де Берлестанж смерил маршала укоризненным взглядом. Его вытянутое желтое лицо никогда не смеялось, оранжевые морщины бороздили шафранную наружность. Большой парик с локонами ниспадал ему на узкие плечи. Зеленоватый камзол подчеркивал худобу тела.

– Э, Берлестанж, об этом разговоре, по крайней мере, ты не будешь доносить жене, что входит в твои обязанности? К тому же, в замке нет женщин, и той, о которой я говорю, здесь нет, так как я узнал, сударь, – прибавил он, обращаясь к Антуану, – из письма, которое вы послали моей сестре, каким образом Курландон отсюда убежала.

Антуан воспользовался случаем справиться о барышне де Маниссар. Он сделал это, краснея. В течение многих лет он продолжал писать ей, не получая никакого ответа. Тем не менее, он не переставал думать о ней с нежностью и с некоторой укоризной. Часто по вечерам, в своей одинокой комнате, он жалел о соседстве барышни де Маниссар, полоске света и звуке блох под ногтем, заменяемом иногда для него треском особенно какой-нибудь старой мебели. В начале своего пребывания в Аспревале он особенно чувствовал себя уединенным и печальным. Тогда, засыпая, он клал себе руку под щеку, чтобы вспомнить другую опору, более нежную и мягкую. Потом все это прекратилось. Прекрасный бюст г-жи Даланзьер заменил для Антуана воспоминание о теплой и далекой теперь груди барышни де Маниссар.

– Сестра все та же, – ответил маршал. – Все так же возится с картами, глобусами и травами. Ведь это она доставила маршальше г-на де Берлестанжа для ее сына, когда ему минуло семь лет; он превосходно воспитал его, и я удивляюсь, почему он не последовал за своим учеником на суда, где тот теперь служит. Так нет! Г-н де Берлестанж предпочел увязаться за мною. Он предпочел Марса Нептуну! Это мой Аргус.

Берлестанж изобразил улыбку, от которой переместились его морщины.

– Однако я очень боюсь, Берлестанж, – снова начал маршал, – что ваш слух будет оскорблен, когда г-н де Поканси будет здесь. Анаксидомен – человек веселый, и если мы примемся, как бывает при встрече старых друзей, вспоминать нашу молодость, то держитесь! Но вы не будете и слушать, у вас сильно разыгрался аппетит, и я советую вам заняться его удовлетворением раньше, чем мы вступим в бой. А вам, сударь, не угодно ли будет доложить вашему батюшке о нашем приезде. Я горю нетерпением обнять его.

Антуан нашел своего отца в кровати. Ночная рубашка в цветочках была расстегнута на похудевшей шее. У изголовья горела восковая свеча. Шелковый халат висел на спинке кресла. Без парика у прекрасного Анаксидомена череп был голый и блестящий. Одеяло было покрыто связками пожелтевших писем. Старая перчатка корежилась, как плоская рука без костей. Некогда она, без сомнения, обтягивала чью-нибудь очаровательную надушенную ручку. Разрисованный веер полуоткрывал свое сломанное крыло. От этих старых вещей исходил печальный, нежный запах. Когда входил Антуан, г-н де Поканси пытался удержать веер, который скользнул на пол. От движения старика из рукава выставилась тощая рука. И Антуан с грустью смотрел на эту постаревшую кожу, на лысый череп и эти любовные безделушки, разбросанные вокруг всего, что осталось у г-на де Поканси от прекрасного Анаксидомена.

Антуан сел у кровати. По мере того, как он говорил, г-н де Поканси выказывал все большее волнение. Он повторял вполголоса:

– Маниссар, Маниссар!

Вдруг глаза его заблестели, словно он глотнул вина из своего погребка, огненная влага которого зажигала у него на скулах временный румянец. Он сделал движение, чтобы соскочить с кровати, потом закрыл глаза и умолк. Антуан ждал ответа.

Ответ состоял в том, чтобы сын передал извинения г-ну маршалу, что он чувствует себя недостаточно крепким для того, чтобы перенести волнения такой встречи. Корвизо нашел у него неровный пульс. Г-н де Поканси поручил Антуану позаботиться, чтобы гостю были доставлены всевозможные удобства. Уже порядочное время Антуан как бы исполнял должность домоправителя. Г-жа Даланзьер руководила им в этих обязанностях. Благодаря ее наставлениям он умел организовать обед. Г-жа Даланзьер мечтала, что Антуан перестроит Аспреваль, согласно требованиям моды, с парком для гулянья и зелеными павильонами. До этого было еще далеко, но если жилище и полуразвалилось, то стены его были достаточно крепки для того, чтобы г-н де Поканси совершенно не слышал, как приехал г-н маршал. Антуан оставил старика в его комнате, подав ему по его просьбе в кровать прибор для письма и очиненные перья.

Итак, Антуану предстояло одному возвратиться к маршалу и передать ему причину отсутствия и извинения г-на де Поканси. Он чувствовал некоторую неловкость, потому что все это изложил залпом, сославшись на болезненное состояние отца и некоторую ипохондрию, которая легко может развиться от старости и одиночества.

Г-н де Маниссар выслушал его, слегка нахмурившись, так что Антуан, боясь досады с его стороны, к концу своей речи покраснел в смущении и опустил глаза. Подняв их, он с удивлением заметил, что у г-на де Маниссара вид спокойный и довольный.

– Что ж, сударь, – сказал маршал, – я не уверен, не мудро ли решил ваш батюшка. Во встречах, подобных нашей, мало веселого, так как слишком бросаются в глаза следы прожитых лет, о которых нам лучше не думать. Я предпочитаю представлять себе прекрасного Анаксидомена таким, каким он был в те времена, когда и я был не такой, как теперь. А потому, сударь, идемте за стол и выпьем за здоровье г-на де Поканси. Мне было бы очень жаль, если бы мой визит ухудшил его состояние, ведь телесные недуги – худшее несчастье в жизни.

Стол был накрыт в галерее и по длине имел очень представительный вид. Серебро, вынутое из сундуков г-на маршала, пополнило посуду г-на Поканси, немного разрозненную. Действительно, последняя была самого различного происхождения. Китайские блюда стояли рядом с венецианским стеклом. От употребления многие вещи были потертые, и эмаль раскрашенных цветов потрескалась. Тем не менее, перед г-ном маршалом стоял хрустальный кубок такого вида, будто пьешь расплавленное золото. Приятный запах рыбы и дичи наполнил залу. Благодаря стараниям Жерома и Жюстена рыбное и дичь не переводились в кладовой замка. Оба молодца явились потихоньку к трапезе. Вместе с г-ном Берлестанжем и г-ном Корвилем они составляли сотрапезников. Другой свиты у маршала не было. Он путешествовал таким образом, чтобы не привлекать внимания, надеясь незаметно присоединиться к войсковой части, растянутой по тому берегу Мёзы, цель которой была не дать неприятелю возможности угадать настоящую ее численность.

С рассуждения об этом обстоятельстве и завязался разговор, г-н де Берлестанж изредка вступал в него, отвечая на колкости, направленные против него г-ном маршалом. Жером и Жюстен жадно ели, ничего не говоря. Г-н де Корвиль оставался молчаливым.

На вид г-ну де Корвилю было не более сорока лет, несмотря на загрубевшее и обветренное лицо и грузную тяжелую фигуру. Глаза на смуглом лице были у него бледно-голубые. Г-н де Корвиль был рассеян, и причиной вечной его рассеянности стала странная его судьба. Родившись среди полей отцовской усадьбы близ Босэра, он пристрастился к овощам и фрук-

там. Для него ничего не казалось лучшим, чем салат или груша, если не огород или фруктовый сад. Жатва и сбор плодов имели для него равную прелесть, и он испытывал волшебное удовольствие видеть, как зреет колос или набухают древесные почки. Он никогда не захотел бы другого занятия, как всю жизнь наблюдать за чередованием времен года и их попеременным возвращением. Он был упрям и простодушен, как все люди, любящие землю и довольствующиеся тем, что она представляет их взорам естественного и определенного. Г-н де Корвиль был человеком деревенским. Сильная отцовская воля принудила его к военной службе. Ему пришлось покинуть знакомый горизонт полей и сельских работ, надеть шпоры и опоясаться мечом. Исполнил это он из повиновения, продолжал по привычке. Участи своей он покорился, но, случалось, во время похода замечали, что он останавливался сорвать цветок. В битве при Эрмелингене он пошел в бой во главе своего эскадрона, держа во рту былинку. Это не мешало ему быть хорошим солдатом и испытанным офицером, хотя он и вздыхал о временах, когда снова вернется в свое поместье, где вместо смертоносных ядер, что разрываются под ногами, по земле будут стлаться круглые тыквы.

– Ну, как же, г-н де Корвиль, не лучше ли нам здесь, чем в открытом поле? – закричал ему г-н де Маниссар. – Разгуляется ли только погода к нашему отъезду.

Г-н де Корвиль великолепно знал приметы близкого дождя, ветра и ясной погоды. Способность эта очень много значит в сельском хозяйстве, и он обладал ею. Ему был известен полный состав признаков и примет, которые редко его обманывали; материалом для этого служили ему и форма облаков, и качество воздуха, и полет птиц, и ползание улиток.

– Там видно будет, г-н маршал, – ответил г-н де Корвиль нараспев, с провинциальным произношением, – вечер не так плох, но месяц уж слишком неверный. Всего можно ждать – и хорошего, и дурного. Скорей дурного, чем хорошего.

Несколько минут г-н маршал казался обеспокоенным и серьезным и хотя говорил громко, видимо чувствовал, что ему не по себе. Под столом он ощупывал себе живот. Он был у него слабым и чувствительным к переменам погоды, так что маршал заботился сохранять его в хорошем состоянии, чтобы иметь возможность сверх меры обременять его кушаньями и лакомствами. Вот почему он был внимателен к малейшей рези. Вероятно, беспокойство его прекратилось, так как он очистил содержимое своей тарелки, но с последним куском откинулся в кресле, и лицо его исказилось болезненной grimасой.

Весь стол замолчал, наблюдая за ним. Антуан засуетился. На полное лицо г-на де Маниссара снова вернулась улыбка, он расстегнул свой жилет и почувствовал себя лучше.

– Ничего, господа, это только предупреждение. Но нет ли поблизости врача? Я очень люблю спрашивать у них совета при подобных тревогах...

Антуан упомянул о г-не Корвизо из Виркура и предложил послать за ним.

– Отлично, сударь, – отвечал г-н маршал, – принимаю ваше предложение. Не следует никем пренебрегать, и встречные люди могут дать хорошие советы. Действительно, те, что постоянно за нами ходят, с течением времени до того привыкают к нам, что, в конце концов, уже не обращают никакого внимания, меж тем как для людей свежих вид нашего тела совершенно нов, и им ясно малейшее расстройство организма, за которым нужно следить, чтобы обеспечить действие и сохранность нашей машины. Я видал много докторов, сударь, и из соединения тех крупиц знаний, что в них есть, я мог составить себе понятие, что следует делать, чтобы быть здоровым.

Антуан обещал, что завтра, до отъезда, г-на маршала посетит г-н Корвизо.

После ужина г-н маршал не хотел, чтобы все разошлись, не выпив за здоровье г-на де Поканси. Когда он поднимал стакан, казачок Антуана вошел с письмом. Адресовано оно было г-ну де Маниссару. Сломав печать, он протянул письмо Антуану.

– Ха, ха! – вскричал г-н маршал, от души смеясь. – Вот занятный способ действовать, в котором я узнаю моего Анаксидомена. Ну, господа, давайте вслух прочтем его послание.

Антуан развернул бумагу, г-н де Корвиль по-деревенски облокотился на стол, г-н де Берлестанж скрестил свои длинные ноги. Жером и Жюстен уже скрылись. Г-н маршал откинулся на спинку кресла, сложив руки на животе, и Антуан приступил к чтению.

«Вы не удивились бы, сударь, что я мог манкировать обязанностью, которая во всякое другое время была бы для меня удовольствием, если бы знали причину, задержавшую меня сегодня вечером у себя, вместо того чтобы воспользоваться честью находиться в вашем обществе. Я держу пари, что вы не только извинили бы меня, но были бы счастливы на моем месте испытывать угрызения совести по отношению к вам самим.

Дело в том, что сегодня вечером я жду посещения одной дамы, имя которой напомнило бы вам галантную манеру обращения, примененную к нам вами однажды в вашем рюйельском доме. Особа эта, память о которой, конечно, не утрачена вами, будучи связана с началом нашей дружбы, соблаговолила пожаловать развлечь меня в одиночестве, и хотя она уже теперь не соответствует господствующей моде, но тем не менее мила моим воспоминаниям. Прелести ее производят то же очарование. Как видите, сударь, хотя я и живу уединенно, я не покинут и пользуюсь изысканным обществом. Снабжает им меня прошлое, самые приятные фигуры которого меня окружают и возвращаются ко мне не в виде туманных и пустых теней, но в подлинном своем возрасте, подобные тем, кто в свое время составлял отрады моего сердца и моих взоров. Так что комната моя полна томных и нежных вздохов. Тут болтовня и смех. Так жизнь моя остановилась на том, что некогда было в ней прелестнейшего. Я держусь за это и без конца возобновляю властные и нежные воспоминания.

Итак, я плохо осведомлен о ходе теперешних событий. Знаю только, господин маршал, что вы занимаете в них место, достойное ваших заслуг. Свет признал их существенность: не позволите ли вы мне обратиться к вам за помощью.

У меня есть сын, сударь, которого я не хотел бы дольше держать вдали от всего. Мне бы желательно было, чтобы он узнал свет и людей, чтобы и ему, в свою очередь, было о чем вспомнить. Он не глуп, но рискует поглупеть. Нужно, чтобы он посмотрел на свет божий. При вас он будет в состоянии послужить королю. Могу ли я просить вас взять на себя заботу об этом? Надеюсь, что послушанием своим и предупредительностью он облегчит вам эту задачу. Вот просьба, с которой я обращаюсь к вашей дружбе.

Что касается младших моих сыновей, я был бы вам премного благодарен, если бы вы согласились и их увезти с собою. В войске нужны люди для того, чтобы их убивали, и они как раз пригодны для такого назначения...»

Г-н маршал много смеялся над посланием. Окончив, он встал и положив руку на плечо Антуану, направился к своим покоям. Г-н де Берлестанж светил ему, и г-н де Маниссар сказал Антуану на прощание, что он будет счастлив иметь его при себе и доставить ему случай отличиться.

Антуан благодарил его раскрасневшись. От мысли покинуть Аспреваль и отправиться в поход у него шумело в голове. Голос г-на маршала вернул его к действительности.

– Ну, сударь, пора ложиться, поздно. Берлестанж, ты можешь спать спокойно, не боясь за мою добродетель; не думаю, чтобы тени, скрашивающие досуг г-на де Поканси, вздумали удостоить меня посещением. К тому же, я не очень лаком на такую добычу, я люблю все натуральное, и любая горничная больше для меня подходит, чем самый любовный призрак. Анаксидомен волен удовлетворяться по своему вкусу. Все это доказывает, как мало мы значим, и что возраст и обстоятельства могут пошатнуть и самый крепкий ум. Прощайте, господа.

И г-н маршал, взяв ночник от Берлестанжа, повернулся к нему спиной, вышитой по швам толстого синего бархата золотым плетеным позументом.

Антуан вышел вместе с г-ном де Корвилем посмотреть, все ли в порядке. Большой костер освещал замковый двор. Два кавалериста стояли на карауле. Остальные храпели на соломе. Через открытые двери конюшни слышно было, как фыркают лошади. Прошел слуга с фона-

рем; Антуан спросил, послали ли экипаж г-на маршала в Виркур для починки. Г-н де Корвиль оканчивал свой обход. Остановившись, он поплюнул свой палец и поднял его в воздух. Антуан наблюдал за ним. Наконец, г-н де Корвиль поднял руку и произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.